

УДК 130.2

**КРИЗИСНОСТЬ СОЗНАНИЯ МОДЕРНА
И УПРАВЛЕНИЕ КРИЗИСОМ***Р.М. Нигоматуллина***Аннотация**

Статья посвящена культуре модерна, на основе которой возникло современное управление как специфическая сфера деятельности. Показано, что принцип свободы субъективности, положенный в основу познания и деятельности, порождает субъект-объектные отношения, которые, являясь сущностными и для управления, чреватые непрерывными кризисами. Средства управления кризисами – рационализация и мораль.

Ключевые слова: модерн, управление, кризис, свобода субъективности, инструментальная рациональность, ценностная рациональность, мораль, справедливость.

Общей задачей исследования, в рамках которого написана эта статья, является выработка представлений о социокультурных основаниях отечественного управления. Российское общество на протяжении нескольких исторических периодов живёт в режиме непрерывной модернизации, то есть стремления стать современным обществом, в том числе и в сфере управления. При советской (а потом и российской) модернизации ставилась цель «догнать и перегнать» Запад как образец высокого уровня технологического и социального развития общества. Но какие культурные смыслы общество должно при этом усвоить? Один из способов реконструировать истоки современности – обратиться к эпохе модерна, открывшей возможность как непрерывной инновационности, так и непрерывной кризисности общественного развития. Управлять этими процессами невозможно без усвоения соответствующих культурных смыслов.

Главный принцип модерна назван ещё Гегелем – это *свобода субъективности*. Духовным основанием западноевропейской культуры, по М. Хайдеггеру, является индивидуалистическое мировоззрение, абсолютизирующее человека как «меру всех вещей» и его индивидуальное самосознание как основание истины, закона и власти. Индивидуализм законодательно закрепляется в виде юридического равенства и частной автономии граждан.

Принцип самоидентификации и свободы субъекта «объясняет как превосходство мира модерна, так и его кризисное состояние: этот мир испытывает себя одновременно и как мир прогресса, и как мир отчуждённого духа» [1, с. 17]. Залогом прогресса нового мира явился процесс научной и технической рационализации. М. Вебер пишет работу «Протестантская этика и дух капитализма», в которой объясняет, что во всех культурах существовали самые различные рационализации во всевозможных жизненных сферах. Существует, например,

рационализация мистического созерцания (такого отношения к жизни, которое с иных точек зрения представляется специфически иррациональным). Но в конечном счёте любая культура может быть охарактеризована с точки зрения того, какие сферы рационализируются [2, с. 55].

Культура капиталистического общества в значительной степени связана с развитием техники и созданными ею новыми возможностями. Но сама техника даёт образец рациональности, которая сводится к точной калькуляции, количественному учёту технических параметров. Такая рациональность сформировалась под влиянием естественно-экспериментальных методов западной науки.

Наука и техника стали моделью рациональности *инструментального* характера, без которой невозможной была бы не только модернизация общественного труда, но и модернизация социальной сферы. Так, подверглись рационализации сферы права и управления. Современный капитализм, по словам М. Вебера, «нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твёрдых формальных правил, без которых может обойтись авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм и политически обусловленный капитализм всевозможных видов, но не рациональное частнохозяйственное предприятие с его основным капиталом и точной калькуляцией» [2, с. 53].

Такая рациональность присуща *бюрократии* как специфической форме организации современного общества. Решающую роль в организации должны играть технические специалисты, пользующиеся научными методами работы. Принципы функционирования бюрократической организации известны: строгое разделение обязанностей между членами организации, строгая иерархизация власти, формально установленная и чётко зафиксированная система правил, безличность административной деятельности и эмоциональная нейтральность отношений.

Описанную рациональность Вебер называет *формальной*, она носит *инструментальный* характер. Прогресс такой *инструментальной (формальной)* рациональности оказывается пагубным для сферы личностных проявлений, сферы коммуникаций и общения, мир человека превращается в мир отчуждённого¹ духа (Ю. Хабермас).

Хабермас предпринимает попытку разобраться в философских основаниях мышления той эпохи, которая демонстрирует столь противоречивое влияние на человека. Научно-философское основание мировоззрения модерна – рационализм, который понимается прежде всего как господство разума в познании. Что это означает для смысловой содержательности культуры современного модерна общества? Рациональная наука расколдовывает природу и освобождает познающего субъекта, который стремится к абсолютной власти. Он есть самодостаточный и автономный разум. Никакой внешний авторитет не может стать ему законом. Он сам себе тождественен и сам себе авторитет.

Когда Гегель характеризует мир модерна, он объясняет субъективность через «свободу» и «рефлексию»: «Величие нашего времени в том, что признана свобода, собственность духа, заключающаяся в том, что он есть в себе и у себя» (цит. по [1, с. 17]). Ю. Хабермас приводит несколько коннотаций понятия «субъективности» у Гегеля: «а) *индивидуализм*: в мире модерна своеобразие,

¹ Здесь: расколотого, потерявшего целостность.

сколь бы особенным оно ни было, может претендовать на признание; b) *право на критику*: принцип модерна требует, чтобы обоснованность того, что должен признавать каждый, была для него очевидной; c) *автономию действия*: времени модерна присуще, чтобы мы брали на себя ответственность за то, что делаем; d) наконец, саму *идеалистическую философию* – Гегель рассматривает в качестве деяния модерна то, что философия постигает знающую себя идею» [1, с. 17].

Последнее можно понимать и как то, что эпоха модерна в большей степени, чем какая-либо другая, является продуктом сознательной деятельности людей. В это время рефлексивность, то есть осознание собственных оснований познания, и сознание вообще оказываются отдельным измерением социального развития, подобно тому как в наше время показателями социального развития могут являться, например, качество государственного управления или уровень образования. Поэтому часто модерн называют *проектом*, то есть социокультурной деятельностью людей по преобразованию своих условий жизни.

Современный человек с опаской относится к любым проектам, будь то вмешательство в природу или в социальную жизнь, которое по сути представляет собой власть, насильно «спрямляющую», упрощающую сложность того, что она пытается изменить. Человечество слишком хорошо знакомо с кризисами всякого рода, которые в общем смысле следует понимать как нарушение прежнего равновесия, дезинтеграцию, конфликт². Модерн, собственно, и заложил основания кризисности человеческого существования, абсолютизовав разум, субъективность, которые проявляются через свободу и рефлексию. Конечно, рефлексия как принцип философского мышления, направленный на осмысление и обоснование собственных предпосылок, существовала уже во времена Античности, но именно в эпоху Просвещения и в Новое время субъект не только противопоставляет себя природе как объекту, который должен ему подчиниться, но и самого себя делает предметом рассмотрения.

В деятельности разума, таким образом, заложено то, что ускоряет развитие и одновременно делает его непрерывно кризисным, – способность властвовать, превращая всё, что попадает в сферу внимания, в *объект*. Это обстоятельство сыграло злую шутку с человеком: стремясь к власти, он одновременно становится средством достижения этой власти. *Субъект-объектные* отношения есть первое основание расколотости и кризисности модерна: разум, дух эпохи, провозгласивший себя освобождённым от любых образцов прошлого, вынужден стабилизироваться и черпать всё нормативное содержание, исходя из себя самого [1, с. 16–20].

Целостность культуры модерна всегда проблематична. Если в прежние времена, в досовременных обществах религия являлась объединяющей силой, а единство и целостность гарантировались какими-либо авторитетами (например, существованием Бога), то теперь культура вступила в противоречие со всем чудесным, сфера знания обособляется от сферы веры. К концу XVIII столетия оформляются три сферы значений или знаний, которые вырабатывают нормативное содержание, общезначимые нормы для всего общества: вопросы истины, вопросы справедливости и вопросы вкуса.

---

² Не следует понимать кризис как явление абсолютно негативное. Наоборот, модерн создаёт условия для непрерывной инновационности (в силу постулирования свободы субъекта), а значит, кризис – это лишь возможность приобрести новое качество.

Как всё вышесказанное влияет на смысловую оформленность управленческой деятельности? Во-первых, создаются условия для появления класса, группы людей, которые могут считать, что они вооружены научными, истинными знаниями и поэтому имеют право подчинять себе других. Так закладываются основы идеологии менеджмента как профессиональной, специально обученной группы людей. Однако всегда остаётся возможным положение, при котором нормативность, регулирующая данные управленческие отношения, может быть оспорена, а субъект управления может оказаться объектом воли к власти другого субъекта. Всеобщая отчуждённость, конфликтность, расколотость неизбежны также и в сфере управления. Таким образом, можно утверждать, что субъект-объектные отношения, на которых строится научное познание, при перенесении на практическую деятельность приобретают форму кризисных отношений, требующих активной рефлексивной позиции субъекта при фактической пассивности объекта.

Во-вторых, модерн открывает новые механизмы целеполагания в преобразующей деятельности человека, в том числе и в сфере управления. Когда речь идёт о какой-либо организованности, предполагается, что цели организации задаются извне. В досовременных обществах социальная организация или социальный порядок «гарантировались» силами, стоявшими над социумом: Космосом, Логосом, богами в Античности, Богом – в Средневековье. Бог – это Высшее Благо, к которому всё стремится. Ещё Аристотель считал, что одной из четырёх причин существования вещи, кроме материи, формы и движения, является причина целевая, имеющая внешний по отношению к вещи источник. Нововременная наука отказывается от целевого объяснения явлений и движений тел, все природные явления стали определяться не целями, а механическими причинами.

Тогда возникает проблема целей общественного развития: что есть Благо для всех, как оно образуется и нужно ли оно вообще как общая цель? Если нет внешних целей, то что является основой государственных целей, общественных интересов: простая сумма личных интересов или всё-таки общий интерес как нечто большее, чем сумма личных? Но тогда кто имеет право декларировать эти цели и интересы от лица всех? Просвещенческая теория государства как результата общественного договора отрицает божественное происхождение мирской власти и представляет общественный договор как самоконструирование народа через взаимные соглашения. «Гордая рефлексивная культура Просвещения “поссорилась с религией и поставила её *рядом* с собой или себя *рядом* с ней”», – цитирует Гегеля Ю. Хабермас [1, с. 20]. Получается, что рациональный характер договорных отношений граждан формируется «изнутри» этих отношений, какая-либо нормативность задаётся лишь установкой на неотчуждаемые естественные права человека. Кажется, что это достаточно шаткое основание, на котором и строится система, постоянно рискующая потерять равновесие.

Однако модерн предлагает и средства *управления кризисами*. Кризисность как сущностная характеристика современности и постсовременности делает несостоятельным распространённое в русском языке выражение «преодоление кризиса». По сути дела, кризис невозможно преодолеть: само слово *преодоление*

подразумевает *возврат* к прежнему стабильному порядку³. Но стабильность и покой – это всего лишь относительный момент изменения и неустойчивости. Проблема же заключается именно в эффективном управлении кризисом, в способности субъекта управления переводить систему из одного состояния в другое без катастрофических явлений разрушения и распада. Кроме того, управление, как уже неоднократно подчёркивалось, это деятельность по рационализации системы, современные смыслы которой заданы именно культурой модерна.

Рационализация – это универсальное средство интеграции, предотвращения дезинтеграционных процессов в социуме. Она создаёт нормативность, формализует, а значит, и универсализирует правила общественного взаимодействия. Однако в этом состоит и «парадокс рационализации». С одной стороны, процесс универсализации становится возможным вследствие того, что рационализация держится на принципе научности, а следовательно, *истинности*, предполагающей критический подход: обоснованность того, что должен признавать каждый, должна быть для него очевидной [3, с. 353–354]. Мы видим, что здесь подразумевается право каждого усомниться в очевидности устанавливаемых норм, то есть их разумности, рациональности. Основанием *эффективной* рационализации является *индивидуализм* как основа субъектности модерна. Индивид приобретает *свободу* – универсализация, становящаяся снизу вверх, от индивидуального к общему, защищает индивидуальную волю. Мы видим, что рационализация и свобода оказываются взаимообусловленными. Времени модерна присуще, чтобы индивид добровольно принимал на себя ответственность за то, что делает (практический разум Канта, философия права Гегеля).

С другой стороны, когда мы говорим «разумность, рациональность устанавливаемых формальных правил», мы имеем в виду то, что называется здравым смыслом, то есть рассудок. И культурный смысл понятия *рационализация* связан с традиционным различием в классической философии рассудка и разума. Рационализация незаметно подменяет разум рассудком. Здесь содержится то противоречие, которое в полной мере реализовалось в современном мире. Рассудок стремится абсолютизироваться и вытеснить разум, поэтому рациональность, которую можно назвать инструментальной, с одной стороны, освобождает субъект в его взаимодействии с объектом, с другой стороны, порабощает его, ограничивая средства самореализации. Критика модерна направлена прежде всего против абсолютизации *инструментальной* рациональности. Уже М. Вебер осознавал противоречивые последствия экспансии рационализации. Например, бюрократический тип организации общественной жизни как форма применения формально-юридических норм в общественных отношениях есть способ решения сложной проблемы согласования разнородных частных интересов, но в то же время очень актуальным в общественной жизни и культуре является вопрос: когда рациональность становится репрессивной и из позитивной ценности превращается в негативную?

Для управления этот вопрос приобретает форму проблемы понимания границы или ситуации, когда рациональность превращается, например, в иррацио-

---

³ Возможно, «преодоление» кризиса приведёт к какому-то новому порядку, но это не ставится как сознательная цель, потому что кризис в данном случае понимается как нежелательное, деструктивное явление для социума. Отсюда стремление «вернуть всё назад».

нальность, то есть в какую-то свою противоположность, сигнализирующую, что управляемость в социальной системе снижается. Очевидно, что модерная рационализация – это необходимый, но далеко не последний шаг в смысловом развитии понятия рационального управления. Современное управление опосредовано не только инструментальной рациональностью (формальными, предполагающими количественный учёт нормами), но и морально-практической и даже эстетической рациональностью, то есть рациональностями *ценностными*.

Надо сказать, что культура модерна выделяет также и *мораль* как ценность, которая наряду с рационализацией призвана соединять то, что распадается, управлять тем, что грозит неуправляемостью. Моральные понятия времени модерна приспособлены к признанию субъективной свободы индивидов. Меняется нравственное отношение человека к миру: от «этики обязанностей», свойственной традиционной системе ценностей, осуществляется переход к «этике прав», в рамках которой окружающая действительность понимается освобождённым индивидом исключительно как сфера применения его активности, присущей ему свободы. Однако целостность, интеграция восстанавливается за счёт того, что моральные понятия основываются, с одной стороны, на праве отдельного человека убедиться в правомочности того, что он должен делать, а с другой – на требовании, чтобы каждый мог преследовать цель своего особенного блага только в согласии с благом других [1, с. 18].

Признание формальных правил, следование им возможно лишь в условиях веры в то, что этим правилам, попросту говоря, подчиняются все. Моральная сфера отвечала за вопросы справедливости, которые в эпоху модерна разрабатывались как отдельное специфическое знание, такое же, как научное знание об истине, и такое же, как искусство – знание о вкусе. Что значит справедливость в контексте модерна? Представления о ней формируются в рамках теорий Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Общим для них является представление о справедливых социальных отношениях как отношениях «общественного договора». В рамках договорной традиции, таким образом, справедливость впервые начинает мыслиться конвенционально – как предмет соглашения между свободными и равными индивидами по поводу взаимного признания прав. Права индивидов называются естественными, данными от природы. В силу этого люди объявляются равными. Но Т. Гоббс из этого выводит следствие: общество представляет собой «войну всех против всех», так как «естественное право» толкуется как свобода делать всё для самосохранения, в том числе и посягать на чужую жизнь. Руссо же, наоборот, считает, что естественное состояние человека, находящегося в гармонии с природой, – это эталон общества.

Однако философы приходят к общему положению о том, что защита «естественных прав» возможна лишь на условиях «общественного договора». Т. Гоббс видит его как разумное взаимное ограничение прав всех людей. Так образуется государство, «смертный бог», *Левиафан* – гигантский живой организм, напоминающий мифологического чудовищного дракона или змея. Государство ценно само по себе. Но Гоббс всё-таки предпочитает монархию, в которой суверен – не только верховный политический властитель, но и верховный судья в вопросах веры и всех иных суждений, могущих иметь значение для государства.

Особенностями теории общественного договора Гоббса является, во-первых, утилитаристская направленность: общественные отношения трактуются как отношения *обмена* в целях извлечения выгоды или *полезности*. Во-вторых, индивиды руководствуются рациональными соображениями, освобождёнными от религиозных, моральных и подобных им оценок. В-третьих, концепт суверена ведёт к идее принудительной интеграции. Политическое единство оказывается выше всех остальных сфер общества. Не зря образ государства-Левиафана стал нарицательным для обозначения тоталитарных, антигуманных обществ.

Теория Гоббса внутренне противоречива: с одной стороны, в целях безопасности люди ограничивают свои права и передают их суверену, с другой стороны, абсолютная, неограниченная власть суверена оказывается источником опасности для личного благополучия граждан. Противоречивым является также утверждение неиерархичности целей: есть только личные интересы и права, которые вступают в договорные отношения обмена, но права государства, то есть суверена, оказываются при этом выше всех остальных прав. Эти противоречия пытались преодолеть Локк и Руссо.

У Руссо, например, в отличие от Гоббса, общая воля не тождественна воле всех. Сувереном является народ. Народный суверенитет неотчуждаем, интерес народа как политического организма и суверена может отличаться от совокупности интересов отдельных людей. Любая политическая власть имеет законную силу лишь благодаря некоему «первоначальному соглашению». Ей не может быть передано право суверена, любые правители – лишь уполномоченные представители народа.

Таким образом, теория общественного договора перевела вопросы морали и справедливости в общественно-политическую плоскость. Социальность вообще тождественна государственно-политическому состоянию и создаётся путём договора. Справедливо, если люди стремятся согласовывать интересы, используя при этом государственно-политические средства. Государство есть инструмент, средство для реализации интересов индивида.

Мораль оказывается совмещённой с правом, которое основано на рациональном интересе. Отношения «взаимообмена» опосредуются формально-юридическими понятиями. Мы уже говорили выше о том, что данная инструментальная рациональность – облачение морали в правовую универсальную форму – определяется многими исследователями как источник социальных кризисов, зарождающихся в условиях отчуждения человека от смысла деятельности, в которую помимо своей воли он интегрируется. Однако современная российская ситуация требует как раз общественного понимания необходимости обогащения права моральным дискурсом, связанным с общественным толкованием взаимосвязи личных и общих прав. Оппозиция Гоббс – Руссо в области интерпретации справедливого соотношения интересов и прав очень поучительна.

Заслугой эпохи модерна является также произошедшая дифференциация публичного пространства на сферу публичного и частного, законодательное и практическое взаимодействие публичного и частного, естественного (субъективного) и позитивного (объективного, государственного) права, государства и гражданского общества. Почему нам кажется это важным? Потому что это дало возможность выделить такое понятие, как *общественная мораль*, которая

не тождественна морали индивидуальной. Это область решения общественных задач, не сводимых к интересам личным. Проблемы смертной казни, как и наказания вообще, а также исполнения наказаний, распределения социальных благ, использования общественных доходов, национализации и приватизации, общественной и государственной помощи, принятия политических и административных решений, отношения к природным ресурсам (во всём их многообразии) и к культурному, историческому достоянию народа, политики в отношении конфессий и т. д. в этическом измерении требуют иного подхода, чем проблемы, связанные с нравственным призванием личности или нравственным призывом к личности [4]. Понятие общественной морали – продукт Нового времени, интерес к нему актуализируется в эпохи кризисов. Показательно, что в советской литературе в 80-е годы XX века мораль даже называлась формой социального управления.

Заканчивая статью, мы подходим к пониманию того, что отечественная практика управления, развивающаяся главным образом на основе западных теорий, несёт в себе как противоречия социальных отношений Запада, так и противоречия, вызванные несовместимостью типов социальных отношений на Западе и в России. Так, проанализированное выше индивидуалистическое сознание общества модерна (читай *Запада*) не находит адекватного осмысления в российских общественных отношениях в силу иных традиций (коллективистских) социального устройства. Очевидно, что западная рационализация будет иметь совсем другое преломление в отечественной практике управления.

Summary

R.M. Nigmatullina. The Crisis of Modern Consciousness and the Management of the Crisis.

This paper deals with the culture of modernity, upon which modern management as a specific field of activity was formed. It is shown that the principle of the freedom of subjectivity (underlying cognition and activity) generates subject-object relationships, which, being essential for management as well, are fraught with continuous crises. Rationalization and morality are considered to be the means of crisis management.

Keywords: modernity, management, crisis, freedom of subjectivity, instrumental rationality, value rationality, morality, justice.

Литература

1. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций. – М.: Весь мир, 2008. – 416 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.
4. *Апресян Р.Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // *Вопр. философии.* – 2006. – № 5. – С. 3–17.

Поступила в редакцию
31.05.12

Нигоматуллина Резида Масхутовна – кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: nigomati@mail.ru